

Таким образом, с помощью ТОСов, как одной из технологий местного самоуправления, решается ряд проблем территории и преодолевается главное препятствие в развитии местного самоуправления – низкая информированность и пассивность населения.

Территориальное общественное самоуправление, с одной стороны, является законодательно регламентированной формой, встроенной в систему местного самоуправления, с другой – деятельность территориального общественного самоуправления является соци-

альной технологией, способной вовлечь население в процесс управления территорией. При этом решается главная проблема реализации существующих технологий – их узконаправленность в решении социальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Глазычев В.Л. Высвобождение городов. URL: <http://www.glazychyev.ru> (Дата обращения: 20.08.2012).
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

УДК 322

Растимешина Т.В.

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»*

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

T. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology, Moscow

THE INFLUENCE OF THE CULTURAL HERITAGE POLICY ON THE POLITICAL CULTURE OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Аннотация. Автор статьи выдвигает тезис, что историческая память является одним из важнейших оснований легитимности государственной власти в России. Российская власть привержена схеме уничтожения – производства историцистских схем прошлого. Культурное наследие используется как часть механизма их конструирования. В настоящее время актуальными для власти являются великодержавная модель истории и образ «народной монархии». Однако такой подход к политике памяти и культурного наследия приводит к архетипизации и архаизации политического сознания российского общества.

Ключевые слова: государственная власть, культурное наследие, легитимность, политический кризис, историческая память, политическая культура.

Abstract. The author of the article puts forward the thesis that the historical memory is one of the important bases of legitimacy of state power in Russia. The Russian government uses the scheme of destruction, i.e. it produces historical schemes of the past. The cultural heritage is used as a part of the mechanism which reproduces such schemes. Currently the great-power model of history and the image of «the people's monarchy» are relevant for the state power. However, such an approach to the politics of memory and cultural heritage makes the political consciousness of the Russian society archaic and archetypical.

Key words: the state power, cultural heritage, legitimacy, political crisis, historical memory, political culture.

© Растимешина Т.В., 2012.

* Статья отражает личную позицию автора и опубликована в порядке научной дискуссии.

Историческую память в российской политике можно рассматривать как пространство борьбы различных политических сил за обладание правом на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого. Как правило, государство побеждает в этой борьбе и контролирует большую часть историко-информационного пространства, монополизировав право на использование памяти как политического ресурса.

Если европейцы осваивают и присваивают прошлое, то российская власть иногда выделяет приверженность схеме уничтожения – производства. В этих случаях память о прошлом в российской системе власти замещается и подменяется различными историческими схемами, которые производятся, реконструируются и предлагаются нации в качестве матрицы для восприятия исторического прошлого.

Связь культурного наследия с государственной памятью прослеживается через символическую природу власти и символические же пути и инструменты ее воспроизводства. Правящая элита, испытывая потребность в стабильности власти и самовоспроизводстве, укрепляя основания легитимности, апеллирует к управляемым посредством различных «посланий», в которых закодированы идеи и смыслы идеальной (необходимой, обоснованной, богоданной и т. д.) власти. Эти идеи и значения, если они гармонируют с существующим в настоящем образом власти, способствуют гармонизации отношений общества и власти. В культурном наследии закодированы символы русской власти, модели «идеальной власти в России», поэтому государство стремится к сохранению и предъявлению обществу, в первую очередь, тех объектов наследия, в которых эти символы сконцентрированы в максимальной степени. Символическая легитимность – дополнительное и немаловажное основание легитимности, которое делает политическую власть устойчивой к внешним и внутренним кризисам. Поэтому политика в отношении культурного наследия – это не только политика охраны, но и технологии эксплуатации символического ресурса исторических и культурных

памятников: технологии *конструирования, подчинения, интерпретации, акцентуации культурного пространства*.

Так, забвение определенного исторического периода или наиболее трагических и драматических моментов истории осуществляется через деактуализацию связанных с ними объектов культурного наследия: они могут быть уничтожены или оказаться на периферии социокультурного пространства. Статус культурного наследия как инструмента символической легитимации власти за многие десятилетия позволяет рассматривать объекты культурного наследия, в том числе, как атрибуты власти, а сферу культуры – как пространство укрепления легитимности политических режимов.

Актуализация памяти как политического инструмента, как правило, в России сопровождает политические процессы радикальных реформаций и революций – смут. В период «смуты» 1980-х–1990-х годов XX в. интерес к истории государства был необычайно высок, все политические силы активно интерпретировали политическое прошлое. «Перелицевание» прошлого привело к его обесцениванию, а поколение, на сознательную гражданскую жизнь которого пришлось эксперименты с государственной памятью, формировалось в ситуации кризиса памяти и пространстве «обратной» идентичности, когда одно прошлое уже было признано деактуализированным, а другое еще не в полной мере сконструировалось.

Поэтому в 2003 г. государство вновь вернулось в пространство борьбы с различными политическими силами за общенациональную память. Оно решительно заявило свое право на интерпретацию истории с точки зрения национально-государственных интересов, то есть формировать определенную картину государственной памяти на основе исторической схемы великодержавности и национал-патриотизма [7, с. 24] и строить образ верховной власти на основе модифицированной схемы «народной монархии», в которой народные истоки верховной власти

непротиворечиво сочетаются с сакральными. Решительное возвращение государства в политику памяти, в частности, фиксируется словами В.В. Путина, которые он произнес еще в 1999 г.: «Что касается национальной стратегии, то мы <...> хотим одного: чтобы Россия стала великой державой» [4].

В осуществлении стратегии национально-патриотического возрождения России ближайшим внутривластным партнером государства стала Русская Православная церковь, активно возрождающаяся и активизирующаяся последние годы. В идеологии нациестроительства политизированное православие и культурное наследие церкви выполняют функции, сходные с теми, которые они выполняли во второй половине XIX в.: за счет использования информационного и символического потенциала традиционной религии политический режим символически «отмежевывается» от западного либерализма, повестка дня российской политической жизни дополняется национальной спецификой, создается образ истинно национальной власти, укрепляется фундамент легитимности [8; 9].

Роль культурных ценностей и объектов наследия в реализации стратегии национально-патриотического возрождения довольно велика. В последние десятилетия культурное наследие Церкви стало активно вовлекаться в конструирование «культурного кода» и великодержавной модели памяти и истории. Культурное наследие Церкви в политическом и социокультурном дискурсе стало использоваться как выражение этноисторической самости российской государственности, неповторимости и величия исторического пути русского народа, религии и религиозной материальной культуры, системы ценностей, ментальности нации. В конце 1990 – начале 2000 гг., в некотором смысле, часть церковного наследия прошла идеологическое одобрение государством как свидетельствующее в пользу концепции национального своеобразия и величия. Социокультурный вакуум стал заполняться нациоисторицистской моделью, «декорированной» храмами, иконами и религиозной мифологией.

Культурное наследие Русской православной церкви играет особую символическую роль в создании образа современной российской власти – «народной монархии» нового образца, обеспечивая обществу и государству утоление «жажды прошлого», удовлетворение потребности в истории, поддерживая линию «продолженности власти» [10, с. 115]. Посредством культурного наследия современная политическая система «встраивается» в историческое время: Московское царство – Российская империя – современная Россия. Благодаря культурным атрибутам, символам православия и великодержавия у граждан появляется возможность рассмотреть образ современной власти в его проекции на прошлое и найти конструктивные совпадения.

Однако своеобразие движения во времени российского государства и народа определяет и отношение к культурному наследию, с одной стороны, и эффекты его влияния на картину времени, с другой.

В современной России актуализация религии, «насыщение» социокультурного пространства религиозными знаками и символами является одним из тревожных симптомов притормаживания демократического транзита. Уже сегодня мы можем наблюдать архетипизацию и архаизацию политического сознания россиян. Периоды политической активности граждан (выборы) иллюстрируют эскалацию коллективного бессознательного. Однако такая «религиозность» не имеет ни малейшего отношения к декларируемому возрождению духовности.

Рационалистическую оправданность воплощения историцистской схемы великодержавности в современной России многие видят в идеях возрождения духовности и возвращения к утраченным корням культуры. Однако если государство и гражданское общество стремятся к формированию в России нации-государства, в основе которой лежит полиэтничность и поликультурность, то акцентуация русского православного этнизма может оказаться тенденцией, противоположной и препятствующей этому процессу. Тем более, что у России, вопреки создаваемо-

му историцистскому мифу, не было и не могло быть всеобщей универсально приемлемой истории. Одни и те же исторические события представителями разных регионов, конфессий, этносов, социальных групп всегда рассматривались в России по-разному, порой – с противоположных позиций. Априорные идеологические акценты и оценки неизбежно приводят к формированию упрощенно-уплощенной схемы, неприемлемой для многих субъектов социальных и политических отношений. Архаизация национальной истории, насыщение социокультурного пространства консервативными архетипами укрепляют не только национал-патриотические настроения, но и этнизм и ксенофобию.

Конструируя модель великодержавного прошлого, государство опирается на императив избирательности, подбирая те объекты культурного наследия, которые в наибольшей степени соответствуют эпитету «наши». Архитектурные сооружения, иконы и нематериальные объекты православного культурного наследия идеально вписываются в модель национальной великодержавности. Современная политика использует и дискурсивно присваивает православные объекты культурного наследия, освобождая их от присущей им имманентной сложности и материальной неотнесенности к посюсторонним – социальным – действиям и отношениям. Они превращаются в простейшие по своей конструкции и содержанию носители идей и символов православия – великодержавия – национального величия, которыми насыщается публичное политическое пространство. Однако такой подход к эксплуатации наследия церкви может угрожать сковыванием творческой и духовной деятельности, направленной на осмысление и раскодирование символов и прочих кодов, заложенных в культурных посланиях из более или менее далекого прошлого.

Итогом такого подхода может стать и потребительское отношение общества к культуре, опрощение внутреннего мира граждан, его схематизация, мифологизация и примитивизация. Уже сегодня исследователями фиксируется следующее противоречие:

«с одной стороны, имеет место устойчивый рост посещаемости учреждений и памятников культуры, внедряются новые интерактивные, эмоционально-зрелищные формы взаимодействия с культурным посетителем, наблюдается интенсификация культурного туризма, развиваются межкультурные коммуникации» [3, с. 4]. Вместе с тем наблюдается «снижение глубины освоения культурного наследия, формируется поверхностность, клиповость, интерпассивность, эгоизм и презентизм восприятия массового зрителя, стирание культурных различий и исчезновение целых культур» [3, с. 5]. Иными словами, российские граждане не проявляют готовности стать активными субъектами восприятия и интерпретации художественно-культурной реальности, деятельными посредниками в диалоге прошлого и будущего. Они не готовы к культурному диалогу, им не близка память об историческом прошлом страны как историческая преемственность.

Отрицательные социокультурные эффекты усугубляются тем, что политизированное отношение общества к культуре проецирует объекты культурного наследия не на вечность, а на краткий отрезок времени, в рамках которого его символический ресурсный потенциал следует максимально полно использовать, конвертировать в другие политические ресурсы.

Культурное наследие при такой обрывочной, форсированной, избирательной и непоследовательной эксплуатации не образует пространства, в котором у россиян возникло бы стойкое ощущение преемственности поколений и уважения к традиции и памяти предков. Искусственно и форсированно воспроизведенные образы прошлого, сконцентрированные в срочно «отреставрированных» памятниках культуры, в настоящее время оказываются собранными в одном месте обрывочными, порой – взаимоисключающими элементами, никак не синтезируемыми в единую картину прошлого. В итоге эклектичная, поверхностная и избирательная картина псевдо-старины оказывается иллюстрацией равнодушия российской власти и российско-

го народа к подлинной, существовавшей в реальности и принадлежащей нашим предкам истории. Она ярко свидетельствует о приверженности стратегии уничтожения – воспроизводства истории, при стойком безразличии к подлинному прошлому.

Это приводит к тому, что граждане по отношению к объектам культурного наследия ориентированы в абстрактное мифологизированное и предельно упрощенное, причем раз и навсегда ушедшее, прошедшее, минувшее и невозвратное прошлое. Они не воспринимают само наследие как совокупность конкретных, существующих в настоящем, здесь-и-сейчас объектов охраны, к которым следует бережно и трепетно относиться в настоящем и максимально неизменно передать будущим поколениям. Граждане не чувствуют себя обладателями прошлого-настоящего, частью механизма преемственности-непрерывности истории, посредниками между прошлыми и будущими поколениями.

Еще один немаловажный эффект от проводимой политики состоит в том, что россияне отчуждены от своей памяти и истории, не воспринимают культурное наследие и само время как контекст своего существования в пространстве истории, не ощущая себя внутри него. Как пишет Б. Дубин, «средний житель России, по его собственным ощущениям, не хозяин своего времени, поэтому он его плохо помнит, слабо предвидит, почти не планирует, даже не старается предугадать. Он видит лишь сегодняшний, самое большее – завтрашний день, а об остальном предпочитает не задумываться либо полагается на судьбу и случай» [2, с. 149].

Закономерно, что граждане не проявляют готовность защищать свою материальную историю: они равнодушны к разрушению памятников и целых исторических ансамблей, кварталов жилых домов, признанных государством или городскими властями «ветхими», они привыкли и готовы к тому, что на месте разрушенного до основания храма может быть возведен новый – лучше, больше, красивее прежнего. Мы вынуждены констатировать, что современные россияне лишены

понимания того, что «новоделы» не тождественны подлинным, утраченным памятникам, что при таком – сиюминутном, потребительском отношении к культурному наследию, и нынешнее и все будущие поколения лишаются истории в ее подлинном виде.

Такая парадигма восприятия истории и культуры характерна для архаичных обществ. Представляется, что здесь проявляет себя тот концепт, который заложен в государственной политике памяти и культурного наследия: имеет место ожидаемый и искомый эффект архаизации, формирования гражданского общества без прошлого. Россиянам свойственно такое восприятие исторического времени, которое было присуще античной и средневековой культуре. Из него выведены такие категории, как прошлое, последовательность, поступательность, преемственность, кумулятивность, наследование. Прошлое смоделировано как нечто статичное, синкретичное и в неизменном виде воспроизводимое в настоящем. В этом отношении, сама идея истории в российской политической культуре носит не линейный, а циклический характер. Схематизированно-упрощенное прошлое не наследуется в виде опыта и достоинства, оно воспроизводится в таком же неизменно упрощенном виде.

Историцистский подход свидетельствует о незаинтересованности элит в самостановлении граждан в истории и культуре. Он препятствует тому, чтобы культурное наследие стало полновесным явлением социального и политического сегодня, включению его ценностно-смыслового, морально-нравственного, эстетического, историко-политического потенциала в число ресурсов гражданского общества. Культурное наследие, существуя, оказывается «закрытым» для проникновения в него. Этот подход защищает государство от того, что гражданское общество вернется к болевым точкам и трагическим ошибкам прошлого, даст им нравственную и гуманистическую оценку и результаты этого проникновения перенесет в пространство современной политики. Глубинное проникновенное восприятие прошлого, нравственная актив-

ность, критичность могут быть перенесены на восприятие современной политической реальности, процессов социальных изменений, отношений властвования. Однако в таком эффекте от восприятия культурного наследия государство не заинтересовано. Элиты предпочитают сохранить монополию на постановку и решение социально-практических задач, минимизировать угрозу активизации населения.

Общество привыкло видеть полезность и эффективность политики забвения, стратегии разрушения - конструирования, поскольку на этапе забвения можно в полной мере реализовать свою потребность в избавлении от страхов, памяти об ошибках, преступлениях, угрозах, неверном выборе. Российское государство и российский народ предпочитают молчать о прошлом, чтобы не проживать его, избавляться от «неудобных» памятников, поскольку общество парализовано страхом, опасаясь, что памятники как свидетели начнут настойчиво свидетельствовать об ужасном, преступном, не подлежащем огласке. Вместе с тем, не проживая прошлого в настоящем, не расплачиваясь по счетам истории за ошибки и преступления даже национального масштаба, общество вынуждено повторять их снова и снова, на каждом новом цикле истории. Поэтому в русском этом мире, по выражению М. Мамардашвили, всюду гуляет гений повторения зла.

За манипуляцией историей, в том числе, скрывается потребность массового сознания в прощении и схематизации морального и этического, желание препарировать все события, разделив их на «хорошие» и «плохие». Россияне предпочитают конструировать прошлое, которое кажется им «должным». В связи со схемой «должного» реставрируются объекты культурного наследия, которые вписываются в ту картину прошлого, которая рассматривается как удобная и актуальная. Если «должное прошлое» не находится, его создают. Тем самым обеспечивается «негативная стабилизация», фиксация общества в положении «привычное – должное прошлое – соответствующее ему настоящее». В правиль-

ном прошлом четко выделены периоды опасного – рискованного, преступного. Далеко не все периоды и события удается в полной мере вытеснить и забыть, если стратегия вытеснения не срабатывает, такие события и периоды «маркируются» как зоны избегания. Другие периоды, напротив, маркируются как зоны символического притяжения, коллективной мобилизации, соответственно – позитивной идентификации. Поэтому и содержательная сторона культурного наследия организуется государством как прямолинейное указание на правильность или неправильность исторического события, с которым оно связано. Еще более прямолинейны памятники-символы (мемориалы).

«Негативно» маркированное прошлое – это, как правило, моменты всеобщей беды, общенационального горя и всеобщей радости по поводу преодоления испытания, победы над трудностями. Для российских граждан важнейшим периодом коллективной мобилизации является Великая Отечественная война. Естественно, что государственные идеологи активно содействуют воспроизводству мифологизированной исторической памяти, «отсылая» тем самым граждан к моменту единения. При этом в качестве инструментов используются художественные памятники. В их числе все больше часовен и храмов, посвященных победе русского оружия и ратному подвигу воинов. Повышение политической роли РПЦ, укрепление партнерских связей с государством, актуальное в настоящем и соответствующее прогнозам элиты в отношении будущего заставляет «подгонять» прошлое под эту модель. Объекты культурного наследия играют роль символических маячков, «высвечивающих» и преувеличивающих значение церкви в главной победе России в XX веке.

Декорирование великодержавной картины прошлого иконами, храмами, монастырями, псевдо-христианской мифологией и другой религиозной атрибутикой делает сами объекты культурного наследия элементами массовой культуры. Наряду с другими элементами (ток-шоу, популярной музыкой,

дешевыми сериалами, развлекательным кино и беллетристикой) они выполняют социально-компенсаторную функцию. Обыватели, потребляющие продукцию массовой культуры, становятся более податливыми, доверчивыми, управляемыми, покорными, поскольку они интериоризуют «тот миф, в согласии с которым они готовы терпеть все, что угодно, но без которого они всегда будут чувствовать неполноту жизни и вследствие этого злиться и буйнить» [6, с. 318].

С этих позиций, объекты культурного наследия РПЦ являются не чем иным, как вездесущим и универсальным инструментом «продвижения» государственной картины великодержавного прошлого и настоящего, а историко-культурное пространство реальности обретает новые очертания: человек не может укрыться от всепроникающей рекламы и независимо от своих желаний и потребностей поддается ее манипулятивному эффекту.

Рассуждая в данном направлении, мы наталкиваемся на парадокс. В таком «упрощенном» виде объекты, созданные как посвященные Богу, оказываются инструментом деформации общественного сознания, превращающим «сонные большинства в одну громадную, неорганизованную, бесструктурную массу озлобленных индивидов» [1, с. 145]. Добавим от себя, что потенциальная опасность этой толпы усиливается тем, что она вооружена лозунгами о величии русской нации, «Москве – третьем Риме», не задумываясь об их значении и содержании. По большому счету, этот парадокс нас выводит к тезису, что культурное наследие РПЦ может стать фактором эскалации экстремизма.

Еще один отрицательный эффект политики в отношении наследия состоит в следующем. Российское настоящее насыщено информационно-символическими конструкциями, указывающими на святость, религиозность, богоизбранность русского народа. Транслируемые самими объектами культурного наследия, умножаемые средствами массовой информации, они прочно проникают в общественное сознание. Эти образы-симулякры воспринимаются как подлинное про-

шлое и подлинное же настоящее, причем статичное, неизменное, раз и навсегда данное, надстоящее, неприкасаемое. В результате, у российского общества даже не возникает потребности «работать» с транслируемыми схемами-мифологемами, критически соотносить их с настоящим. Россияне не могут спорить и преодолевать прошлое, поскольку оно не настоящее, а виртуальное.

В отношении первой мифологемы – о «православии» русского народа. Ни государство, ни церковь, ни сами граждане не имеют опоры и потребности в преодолении этого мифа и действительном развитии духовности на основе критического анализа истинного прошлого и подлинного настоящего состояния духовной сферы нации. Не происходит развития духовности через кризис и преодоление религиозности. Это путь, который европейское сознание тяжело преодолевало более ста лет – от ницшеанской декларации смерти Бога до возврата к духовным и религиозным ценностям на новом витке социального прогресса.

В отношении второй мифологемы имеет место аналогичная ситуация. Ни государство, ни РПЦ не пытаются спорить с историей по поводу роли церкви в общественной жизни. Вместо поисков нового места, ролей и функций института церкви в настоящем и будущем России, вместо конструктивного диалога общества – церкви – государства и поиска новых форм конструктивного взаимодействия, все стороны «подгоняют» себя-настоящих под прошлое-симулякр. Таким образом, неприятие прошлого, нежелание его знать, понимать, интерпретировать и *преодолевать превращается в возвратное движение к удобной искусственной схеме*. В этом отношении и церковь, имея потенциал к развитию политических ролей и социальных функций, предпочитает оставаться в настоящем «самозванцем» из искусственного прошлого, причем утверждаться в настоящем, не предлагая совместного пути к будущему, а апеллируя к плоскому, декоративному, но бессодержательному прошлому. Общество, в свою очередь, вынуждено не рассматривать совместные перспективы, но мириться с мифами и уживаться внутри них.

Таким образом, церковь никак не сможет открыть свой потенциал движению к будущему, в том числе политическому. Она сама останется производным от той картины прошлого, в которую пытается вписаться. Общество же вживается в мифы-схемы, поскольку другой истории у него все равно нет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.: Центр-Ком, 1996. – 672 с.
2. Дубин Б. Конец века // Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. – М.: Новое издательство, 343 с.
3. Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Автореф. ... канд. культур. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
4. Левин К. Национальная идея Путина // Коммерсантъ. – 1999. – 24 декабря.
5. Манн Т. Доктор Фаустус. – М.: Издательская группа АСТ, 2009. – 570 с.
6. Пелипенко А.А. Динамика эстетической компоненты в поколениях рубежа XX-XXI вв. // Поколение в социокультурном контексте XX века / отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2005. – 631 с.
7. Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М.: Скимень, 2004. – С. 24-36.
8. Dollinger H. Das Leitbild des Bürgerkönigtums in der europäischen Monarchie des 19. Jahrhunderts // Karl Ferdinand Wemer (ed.), Hof, Kultur, und Politik im 19. Jahrhundert. – Bonn, 1985. – P. 325-362.
9. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. – Cambridge, 1990.
10. Noble T. Social theory and social change. – N.Y., 2000.